

— Ты вечно со своими проблемами, — сказал Чи Чэн, поправляя одеяло и подавая Тао Хуайнаню жаропонижающее.

Тао Хуайнань послушно принял лекарство и произнёс:

— После сна я поправлюсь.

Брата не было дома, и младшие не стали сообщать ему, что Тао Хуайнань снова простудился, чтобы не беспокоить во время командировки.

Когда Тао Хуайнань болел, он становился тихим, а если ему было совсем плохо, то и вовсе переставал говорить. Его губы становились сухими, и он тяжело дышал, приоткрыв рот.

Чи Чэн тоже перестал заниматься и просто наблюдал за ним. Тао Хуайнань изредка открывал глаза и смотрел в его сторону. Его взгляд был расфокусирован, но иногда он точно останавливался на одном месте, и тогда казалось, что он видит, как обычный человек. Чи Чэн погладил его по щеке, а затем лёгким движением большого пальца коснулся его тонких век.

Мальчик был бледным, с чистой кожей, и его тонкие веки отчётливо просвечивали, показывая мелкие сосуды.

Жаропонижающее подействовало, и вскоре Тао Хуайнань перестал жаловаться на холод, зато заговорил о голоде.

Весь день он только пил горячую воду, почти ничего не ел. Теперь, когда жар спал, аппетит вернулся, и он тихо сказал Чи Чэну, что хочет есть.

Чи Чэн приготовил ему кашу, и Тао Хуайнань с аппетитом съел целую миску.

Он всё ещё боялся, что Чи Чэн будет беспокоиться, и, набравшись сил, начал его утешать. Он нарочно облизнул уголок рта и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Как же это вкусно.

Чи Чэн погладил его по голове и спросил:

— Хочешь ещё?

— Нет, я сыт, — ответил Тао Хуайнань.

Поев, он сам пошёл в ванную прополоскать рот, а затем вернулся и лёг спать.

Чи Чэн лёг рядом и смотрел на него. Весь год он не водил его на пробежки. Тао Хуайнань не любил бегать, и иногда, когда он начинал капризничать, Чи Чэн сдавался, решая, что пусть уж лучше не ходит. Но такая слабость здоровья была неприемлемой, иммунитет был слишком слабым. Чи Чэн погладил его сухие губы и поправил одеяло.

Действие жаропонижающего не продлилось всю ночь, и к полуночи Тао Хуайнань снова начал температуру.

Он свернулся калачиком и прижался к Чи Чэну, который обнял его и прижался подбородком к его шее.

Она была горячей, и Чи Чэн тут же сел, включив свет.

При свете он увидел, что Тао Хуайнань крепко закрыл глаза, а его губы дрожали, словно он что-то бормотал.

— Тао Хуайнань, — похлопал его Чи Чэн, пытаюсь разбудить.

Тао Хуайнань действительно перестал говорить, на мгновение замолчал, а затем, не открывая глаз, хрипло и сухо произнёс:

— Старший брат.

Чи Чэн снова пошёл за жаропонижающим, чтобы дать ему.

Тао Хуайнань так и не открыл глаз, лежал, и было непонятно, спит он или нет.

Чи Чэн уже хотел снова позвать его, но заметил слёзы на его глазах. Видимо, он ещё не пришёл в себя. Чи Чэн отложил воду и лекарство в сторону и поднял его.

— Проснись, — в моменты, когда Тао Хуайнань был в сознании, Чи Чэн редко говорил с ним таким терпеливым тоном, обычно он был раздражён. Теперь же он обнял Тао Хуайнаня, мягко похлопывая его по спине и шепча ему на ухо:

— Проснись, Наньнань.

Тао Хуайнань прижался подбородком к шее Чи Чэна, безвольно обвившись вокруг него. Чи Чэн долго уговаривал его, и наконец Тао Хуайнань открыл глаза, всё ещё со слезами.

Какая разница, открыты они или закрыты, ведь он всё равно ничего не видит.

Тао Хуайнань продолжал плакать, даже когда проснулся. Он был в бреду, сознание затуманено.

Он чувствовал запах шампуня Чи Чэна, такой же, как и во сне. Его сухие губы касались шеи Чи Чэна, когда он говорил. Тао Хуайнань поднял руку, чтобы обнять его, и его хриплый голос звучал так печально, что было больно слушать:

— Почему ты хочешь оставить меня...

Чи Чэн продолжал держать его, поглаживая его шею и спину:

— Ты просто спросонья, что за разговоры об уходе, даже во сне ты не можешь без своих капризов.

Глаза Тао Хуайнаня, большие и пустые, продолжали лить слёзы, голос был гнусавым и хриплым:

— Мне так плохо...

— Тогда вставай, одевайся, и мы поедem в больницу, — сказал Чи Чэн.

Тао Хуайнань явно ещё не до конца проснулся, он был в полусне. Впервые он был в таком состоянии. Чи Чэн обнял его, завернул в одеяло и позвал:

— Наньнань.

Тао Хуайнань долго не мог перестать плакать, его глаза были пустыми, но, по крайней мере,

слёзы перестали течь.

Он перестал плакать и начал ёрзать, сначала касаясь носом и губами шеи Чи Чэна, а затем целуя его подбородок. Он ничего не видел, но по инстинкту тянулся к подбородку Чи Чэна, чтобы поцеловать.

Затем медленно перешёл к уголку рта, а потом и к губам.

Он мягко и нежно касался губ, как животное, которое тычет носом.

— Не уходи... — шептал Тао Хуайнань, целуя его губы и умоляюще прося, — Старший брат, не бросай меня.

Капризный ребёнок, который даже во сне умудрялся выглядеть жалким и плачущим. Чи Чэн обнял его и с лёгкой досадой погладил его по затылку:

— Что за странные сны тебе снятся.

Тао Хуайнань продолжал целовать Чи Чэна, его мягкие и горячие губы касались его с осторожной мольбой.

Чи Чэн тоже прижался к нему щекой, его лицо было горячим, и он снова позвал его.

Тао Хуайнань хотел ещё поцеловать его, но Чи Чэн отклонил голову назад и сказал:

— Сначала прими лекарство.

Тао Хуайнань не смог поцеловать его и замер, подняв лицо и медленно моргая большими глазами, с болезненной слабостью. Он не стал капризничать, просто спокойно смотрел в ту сторону, где был Чи Чэн.

Чи Чэн хотел отпустить его, чтобы взять лекарство, но, посмотрев на него пару секунд, всё же не смог устоять и наклонился, чтобы коснуться губ Тао Хуайнаня.

— Сначала прими лекарство, а то совсем с ума сойдёшь.

Чи Чэн встал с кровати, а Тао Хуайнань сидел, закутанный в одеяло, неподвижно.

Чи Чэн взял лекарство и ещё не успел повернуться, как Тао Хуайнань кашлянул, невольно наклонился и дважды сдержанно вырвал, сразу же прикрыв рот рукой. Когда Чи Чэн обернулся, Тао Хуайнань продолжал судорожно рвать.

— Ничего, отпусти, — сказал Чи Чэн, выходя за тазом, — Рви, не сдерживайся.

Только что они нежно целовались, а теперь он вырвал всю съеденную кашу.

Чи Чэн держал таз, пока Тао Хуайнань рвал. Ему было очень плохо, желудок сводило судорогами, и он дрожал от холода.

Он рвал долго, пока в желудке не осталось ничего, кроме сухих спазмов.

Чи Чэн дал ему прополоскать рот, затем снял с него одежду, завернул в чистое одеяло и отнёс в комнату брата. После рвоты Тао Хуайнань окончательно пришёл в себя, лежал и выглядел совершенно растерянным.

Чи Чэн принёс горячее полотенце, чтобы вытереть ему руки, но Тао Хуайнань взял его и сказал:

— Я сам.

Его голос был хриплым, а после воздействия желудочного сока почти пропал. Чи Чэн отдал ему полотенце и пошёл убирать их комнату. Тао Хуайнань не знал, который сейчас час, но он точно знал, что из-за него Чи Чэн до сих пор не спит.

Его здоровье было слишком слабым, и теперь, лежа на ещё не согретой кровати, он чувствовал себя плохо и физически, и морально.

Чи Чэн быстро убрался, выбросил ненужное и замочил то, что нужно было постирать. Когда он вернулся, вымыв руки, Тао Хуайнань уже смотрел в его сторону.

Чи Чэн дал ему лекарство, потрогал лоб и сказал:

— Сейчас не буду тебя мучить, сначала прими лекарство, чтобы сбить температуру, а утром поедем на уколы.

Тао Хуайнань сказал:

— Хорошо.

Лёгкая нежность, выходящая за рамки братских отношений, была полностью уничтожена этой рвотой. Но, возможно, они были настолько близки, что в любой ситуации и при любых обстоятельствах не чувствовали неловкости или неестественности. Казалось, что бы ни случилось, они сохраняли спокойствие. Они были как в любой обычный вечер, как каждый раз, когда Тао Хуайнань болел. Он сворачивался калачиком в объятиях Чи Чэна, впитывая его запах и тепло.

Чи Чэн массировал его живот, который теперь был пустым и впалым. Он прижал ладонь к нему и сказал:

— Ты как больной котёнок.

Тао Хуайнань лежал с закрытыми глазами в его объятиях, сначала кивнул, а затем сказал:

— Прости.

— Пока не нужно извиняться, — Чи Чэн опустил глаза, глядя на его затылок, — Скажешь это в следующий раз, когда будешь отказываться идти на уколы. Я тебя сейчас не бью только потому, что ты болен.

По голосу было ясно, что он сейчас в плохом настроении и на грани срыва, но он сдерживался. Однако его ладонь всё ещё была тёплой, прижатой к животу Тао Хуайнаня, и это приносило утешение слепому мальчику, давая ему чувство безопасности.

Почему-то, услышав такие сдержанные слова Чи Чэна, Тао Хуайнань почувствовал себя лучше. Он положил свою руку на руку Чи Чэна, его ладонь была горячеей, и это мягкое тепло действительно напоминало лапку котёнка.